

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБРАЗНОСТИ В ПОЭЗИИ А. РЯЗАНОВА

The article deals with the ways of creation of morphological figurativeness in A. Ryazanov's poetic texts. Grammatical and esthetic potential of a noun, pronoun, verb as parts of speech, significant for linguostylistics the Belarusian poet-experimenter, is analyzed in the article.

Имя известного белорусского поэта Алеся Рязанова в современной белорусской литературе связано не только с виртуозным владением техникой стихосложения, с созданием новых жанровых форм (квантем, версетов, пунктиров, вершаказов, зномов), но и с поисками философского содержания на пути постижения бытия, с расширением горизонтов человеческого познания – «стварэннем новай паэтычнай канцэпцыі свету і чалавека» [5, с. 591].

А. Рязанов как смелый экспериментатор знаменит неординарной манерой письма: «...с первых публикаций о нем практически сразу заговорили как о талантливой личности со своей концепцией творчества, а все последующие книги поэзии вызвали активную полемику и целую амплитуду восприятия – от восхищения до абсолютнейшего неприятия...» [7, с. 5]. В.В. Гниломёдов считает, что «тэндэнцыю, якую ён развівае ў сваёй творчасці, можна было б, думаецца, акрэсліць як універсальна-інтэлектуальную» [2, с. 231]. А.С. Иващенко даже утверждает, что «ягоная творчасць 1970–1980-х гг. сталася пэўным эталонам, духоўным арыенцірам, імпульсам для пошуку новых сродкаў вобразнасці і выразнасці, што вывела беларускую літаратуру на якасна іншы ўзровень» [4, с. 109].

Одним из критериев эстетической ценности морфологических элементов в поэтическом тексте может являться частотность. В идиолекте А. Рязанова, по нашим наблюдениям, лидирующие позиции занимают существительные, глаголы, местоимения.

В поэтическом языке имя существительное выступает в качестве основного источника информации об окружающем мире. Названия многих произведений А. Рязанова состоят из одного слова-существительного, ключевого образа, вокруг которого происходит текстообразование: «Маланка», «Мяжа», «Далечыня», «Дзічка», «Завая», «Зброя», «Апора», «Спадчына», «Пярэчанне», «Шыльдачкі», «Камяні», «Змеі», «Дрэвы», «Госці», «Рэчы», «Завабўнікі», «Здарэнні», «Зоркі» и т.п. «Сапраўды, «філасофія рэчы» ці, іншымі словамі, мастацкі метада, скіраваны да асэнсавання матэрыяльных прадметаў і з'яў рэчаіснасці, асноўнымі рысамі якога мы называлі сузіральнасць і медытацыйную засяроджанасць на аб'екце адлюстравання, працінае ўсю творчасць А. Рязанова» [4, с. 106].

Раскопваюць гарадзішча.

Выкопваюць рэчы.

Вось рэч-рука, вось рэч-нага, вось рэч-моц, вось рэч-улада...

Рэчы – апошняя цела людзей, якое жыве найдаўжэй.

За рэчы трымаюся, аб рэчы абаніраюся, атрымліваю ў спадчыну рэчы...

Рэчамі мераецца мой час, акрэсліваецца мая прастора, без іх я губляюся, без іх я знікаю, без іх я нічога не значу сам.

На торжышчы, дзе ўсё набываецца і прадаецца, пытаюся ў рэчаў, як іх завуць.

Яны называюць мае імёны [6, с. 254].

Вещь воспринимается как единица измерения человеческого бытия; как то, что останется, когда не станет людей; как то, чему человек дает имя, хотя этим всего лишь проявляет своё естество: *Усё, чым багаты мы, – гэта рэчы, і ўсё, перад чым мы аказваемся багамі, – яны [6, с. 326].* Вся система материальных ценностей сводится к зависимости от приобретения вещей. Этот путь – для «завоевателей», а поэт хотел бы отдать предпочтение духовному богатству, пути личностного роста.

Интересно, что существительные-окказионализмы, предложенные автором, обычно отвлечённые: *беспрасвецце, бясчассе, міжчассе, прадчассе, невідзімнасць*. А. Рязанова критикуют за то, что «у сваім дыялогу са светам ён пазбягае чалавечай «псіхалогіі», аддаючы перавагу абстрактнаму лагізаванню, непасрэднай форме, здольнай выявіць усеагульны змест і ўзаемасувязь рэчаў і з'яў» [2, с. 237].

Частотность существительных в текстах связана с предметно-образной конкретизацией явлений, со склонностью к повествовательности. Большое количество существительных фактически в чем-то приравнивает поэзию к философской прозе, что подкрепляется свободной рифмой многих произведений поэта.

В более поздних версетах в качестве заглавия появляется местоимение («Нешта», «Нехта», «Кожны», «Яны»), что свидетельствует о несомненной значимости данной части речи для рязановского идиолекта.

Выразительные возможности местоимений в лингвистической среде долгое время практически не обсуждались, поскольку традиционно считалось, что местоимения – это «пустые слова», «слова-заместители». Однако в лирических произведениях местоимения (несмотря на свою дейкитичность, а может быть, и благодаря ей) выдвигаются на первый план и тоже, подобно словам, выполняющим номинативную функцию, могут приобретать статус художественно значимых элементов текста.

Поскольку средством обозначения референта-персонажа в тексте является личное местоимение, то основным способом создания художественного образа, сообщения о персонаже информации является референциальная соотносительность личного местоимения с различными лексемами. Показательно, что в предложении, лаконично и точно отражающем взаимоотношения между лирическим героем и основным концептом-образом творчества поэта, личное местоимение соотносится не с субстантивом, а с другим местоимением (указательным): «*я той, хто шлях і хто на ім ідзе*» [6, с. 173]. Дорога, путь у А. Рязанова – символ «духоўнага росту, пошуку Сябе ў сабе. Сюды ж укладаецца і анталагічная ідэя знаходжання сябе-ў-свецё – увесьчаснае ўдакладненне «каардынатаў быцця і асобы» [4, с. 57]. Важно не ошибиться в выборе своего пути и нести за этот выбор ответственность. Поэт-путник, поэт-путешественник, поэт-странник («*вандроўнік*») не преобразует действительность, а наблюдает за ней, одновременно являясь ее частью, он «переводит» с языка вещей на человеческий язык.

Употребление личных и притяжательных местоимений, по мнению И.Б. Голуб, придает речи оттенок искренности. Формы притяжательного местоимения *свой* автор выделяет графически и ставит в сильную позицию конца предложения в версете «Лясная дарога»: «*Просяцца у нас, каб падвезлі, каго даганяем: дзядзькі, дзецюкі, маладзіцы, падлеткі, жанкі, старыя, – і мы іх бярам, бо ўсе, хто ні ёсць на гэтай дарозе, ужо не староннія нам, не чужыя, ужо, нейкім чынам, свае* [1, с. 467] – возможно, поэт говорит о том, что все повстречавшиеся на нашем жизненном пути люди в большей или меньшей мере способствуют изменениям в нас самих, нашему самопознанию, и через усвоение опыта общения с разными

людьми мы становимся друг для друга роднее, человечнее; «Я гляджу на маленькія ночвы і, нібы ўва мне адчыняюцца нейкія дзверы, у іх пазнаю, што і помніць не помню, што згадваць не згадаю і што не мае ні вобразу, ні наймення, а мае мяне самога, – / с в а ё» – через образ корыта для стирки, символа младенчества, «цвердзіцца пра тое, што на шляху да свайго сапраўднага сутва трэба ісці не толькі «наперад», але і «назад», да сваіх каранёў, углыб сябе» [4, с. 100].

Стремление к неопределенности имманентно присуще многослойному и склонному к множественности интерпретаций художественному слову. Среди морфологических ресурсов неопределенности на видном месте располагаются местоимения одноименного разряда, благодаря которым в тексте возникают смыслы иносказательности, недосказанности, невыразимости. На фоне остальных разрядов неопределенные местоимения «выделяет семантическая исключительность: их значения никогда до конца не выявляются в контексте» [3, с. 282]; это «значение неясности, неизвестности создает вокруг них экспрессию таинственности, загадочности» [3, с. 283]. Если личные местоимения «приближают» описываемое, то неопределенные способствуют «отдалению» предметов [3, с. 282–283].

Неопределенные местоимения и местоименные наречия становятся значимыми для идиолекта Алеся Рязанова, поскольку процесс познания изначально связан с неизвестностью, неопределенностью и попыткой идентифицировать воспринимаемые объекты. Они участвуют в создании амбивалентности, присущей всему творчеству А. Рязанова: *Нешта глядзіць на мяне маімі вачамі, / слухае, што я кажу, маім сыхам, / думае пра жыццё маёй думкай...* [1, с. 466]; *Мы можам п'мяняцца месцамі, – прапануюць мне манекены, – і тады нічога не будзе здарацца* [1, с. 460]; *...і толькі імчыць кудысьці месяца сіні човен, а ў ім сядзяць сінія людзі* [1, с. 462].

Вопросительные и относительные местоимения также востребованы поэтом: *Хто пытаецца у мяне дарогу на ўсход, хто – на захад...* [1, с. 463]; *Што прымушае нас незаўважна пераходзіць з гадзіны ў гадзіну, з дня ў дзень, з года ў год і не дазваляе спыніцца?* [1, с. 466]; *Ці ведае чалавек урэшце, што яму лепш, а што горш, / што – страта, а што – набытак, / што – немач, а што – здароўе, / што – мала, што – шмат?* [6, с. 288].

Определительные и отрицательные местоимения приобретают способность становиться именами собственными (соответствующее написание с прописной буквы): «Карэнне і лісцё. / Бальшак жыцця зьмнога. / Цябе сустрэне Ёсё, / а правядзе Нічога» [6, с. 79]. Наша судьба соткана из разнообразных вариантов развития событий, а итог для всех одинаков.

Таким образом, в текстах А. Рязанова местоимения способны выполнять генерализующую функцию, или функцию компрессии смысла текстовых

фрагментов, которая реализуется преимущественно местоименными субстантивами разных лексико-грамматических разрядов.

Лирический герой А. Рязанова не склонен активно действовать, изменять мир вокруг себя, он не отождествляет себя с “завоевателями” для которых используются местоимения 2-го и 3-го лица “вы” (“Заваёўнікі ІІ”, “Заваёўнікі-ІV”), “яны” (“Заваёўнікі”, “Заваёўнікі-ІІІ”). Для него характерна “деятельность без действия” (Владимир Колесник): «дзеянасць духоўная, мазгавая, дзейнасць без дзеяння, без кінетычнай разрадкі жыццёвай энергіі» [цит. по 4, с. 110]; он принимает реальность как данность, поддающуюся творческому исследованию. Однако глагольные формы всё-таки необходимы в текстах для того, чтобы продемонстрировать смену состояний лирического героя; чтобы сквозь призму сознания лирического героя показать динамичность окружающего мира; чтобы создать образ одушевленной, наделенной сознанием, действительности: *Паспелі зярняты – і адшукалі глебу, а паспявалі – туліліся да сцябліны. / Крычу – адгукаецца рэха. / Маўчу – адгукаецца ціша* [1, с. 466]. Особенно много глаголов использует автор в версетах и пунктирах: *Гукаю цябе ў мінулым, / гукаю цябе ў наступным – / ты адгукаешся / рэхам майго гукання* [6, с. 79] – повтор личной глагольной формы, однокоренной глагол и отглагольное существительное являются смысловыми скрепами данного пунктира. «Адной з асаблівасцей мастацкай свядомасці А. Рязанова з’яўляецца хісткасць няўлоўнасць мяжы, якую праводзіць паэт паміж мінулым і сучаснасцю, паміж мёртвымі і жывымі» [5, с. 599], – замечает Анна Кислицына: *Дзе яно, мінулае?! // Дзе яно, будучыня?! // Дзе яно, сёння?!* [1, с. 463]. Поэт тонко чувствует неуловимость и неизбежность момента перехода одного в другое, поэтому его интересуют «пороговые», «маргинальные» состояния: *А на драўляным парозе сядзіць нядужы стары чалавек, / яму ўжо цяжка выходзіць з хаты і ў хату вяртацца – / цела ўвабрала ў сябе свой шлях і стала само парогам: / што чалавеку дапамагае, урэшце, пераступіць і праз гэты парог?!.* [1, с. 466]. Смерть видится не окончанием, а переходом в другое измерение, в инобытие. Граница между жизнью и смертью, между настоящим и прошлым неуловима, незаметна, так как они взаимоперетекаемы, переплетены, неотделимы друг от друга.

Итак, можно отметить существенность и эстетическую значимость для лингвостилистики произведений А. Рязанова таких частей речи, как имя существительное, местоимение, глагол.

Литература:

1. Анталогія беларускай паэзіі : у 3 т. / рэдкал. : Р. Барадулін і інш. ; уклад. У. В. Гніламёдаў. – Том 3. Вершы і паэмы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – 671 с., іл.

2. *Гніламёдаў, У.* Ад даўніны да сучаснасці : нарыс пра беларускую паэзію / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 246 с.
3. *Голуб, И. Б.* Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
4. *Івашчанка, А. С.* Пазыка Алесь Разанава : між медытацыяй і рацыяй : манаграфія / А. С. Івашчанка ; нав. рэд. М. А. Тычына. – Мінск : БНТУ, 2008. – 144 с.
5. *Кісліцына, Г. М.* Алесь Разанаў / Г. М. Кісліцына // Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя : у 4 т. – Т. 4. Кн. 2. 1986–2000 / НАН Беларусі, АДД-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 591–604.
6. *Разанаў, А.* Танец з вужакамі : выбранае / А. С. Разанаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1999. – 462 с.
7. *Штейнер, И. Ф.* Криница, из которой пил святой : философия поэзии Алеся Рязанова / И. Ф. Штейнер. – Минск, 2010. – 195 с.